

Б. А. Исаев

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА РОССИИ: МУЛЬТИПАРТИЗМ ИЛИ БИПАРТИЗМ?

В статье предпринята попытка, опираясь на работы классиков политологии и современных партологов, ответить на вопрос: возможно ли и нужно ли трансформировать российскую мультипартийную систему в бипартийную? Суммировав результаты исследований А. де Токвиля, Дж. Брайса, Э. Лоуэлла, С. Липсета и С. Роккана, Дж. Сартори, Л. Эпстейна, Дж. Джеймса, Г. В. Голосова, Х. Даалдера, М. Дюверже, А. Лейпхарда и собственные наработки по проблемам формирования партий и функционирования партийных систем, автор сформулировал основные преимущества и недостатки мультипартизма и бипартизма. Главными преимуществами бипартизма являются: обеспечение устойчивого и эффективного правительства, возможность смягчения идеологических конфликтов, выполнения предвыборных обещаний в интересах избирателей. Главными преимуществами мультипартизма выступают: возможность каждой социальной группе найти свою, идеологически близкую партию; придание большей сбалансированности партиома и всей политической системе за счет наличия не только центристских партий, но и фланговых политических сил; отражение в разнообразии политических партий исторического пути, национального характера, этнического и религиозного разнообразия общества. И классики, и современные партологи формирование партий и партийных систем выводят из наличия расколов и проблем общества и возможных путей их решения. При этом бипартийные системы формируются, когда в обществе существует один главный раскол, а мультипартийные — когда сразу несколько проблем разделяют общество на партии. В ходе развития общества появляются новые проблемы и расколы, формируются новые партии, но партийные системы продолжают сохранять свою количественную идентичность. Итак, формирование партийных систем происходит под действием объективных факторов, в течение длительного времени: десятилетий и даже столетий, и субъективными усилиями нескольких людей, пусть даже облеченных властью, невозможно переформатировать российский (или какой-либо другой) мультипартизм в бипартизм. В то же время российский мультипартизм при трансформации от крайнего плюрализма к умеренному (по Дж. Сартори) постепенно приобретает те черты, которые считаются преимуществами бипартизма. Библиогр. 20 назв.

Ключевые слова: мультипартизм, бипартизм, партийная система или партиома, преимущества и недостатки мульти- и бипартийных систем, формирование партийных систем, факторы формирования партий и партиом, поляризация партийных систем, бипартизм и двухполюсность.

В. А. Isaev

THE PARTY SYSTEM IN RUSSIA: MULTIPARTIDISM OR BIPARTIDISM?

Relying on the work of political science classics and modern students of political parties, the article attempts to answer the question as to whether it is possible and necessary to transform the Russian multiparty system into two-party system? Building upon the results of the studies of A. deTocqueville, J. Brice, A. Lowell, S. Lipset and S. Rokkan, G. Sartori, L. Jepsen, G. James, H. Daalder, M. Duverger, A. Lejphard and personal experience regarding the functioning of parties and party system, the author has formulated the basic advantages and disadvantages of multipartidism and bipartidism. The main advantages of bipartidism are: sustainable and effective Government, the ability to mitigate the

Исаев Борис Акимович — доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; isaevboris@yandex.ru

Isaev Boris A. — Doctor of Sociological Science, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 190034, Russian Federation; isaevboris@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

ideological conflicts, fulfill election promises for voters. The main advantages of multipartidism are: the possibility of each social group to find an ideologically similar party, providing better partisan balance to the whole political system owing to the presence of not only centrist parties, but also marginal flanks. This serves to reflect the diversity of political parties of the historical direction of national character, and the ethnic and religious diversity of society. And classics and modern students of party politics conclude that parties and party systems derive from the existence of splits and problems in society and possible means toward their solution. Two-party systems formed when there is one main cleavage, and multi-party systems when several issues divide society into parties. During the development of the society, there are new problems and divisions that form new parties, but the party system has continued to maintain its quantitative identity. Thus, the formation of party systems occurs under the influence of objective factors over a long time: decades and even centuries. The subjective efforts of several people, even in authority, cannot facilitate the reformation of Russian (or any other for of) multipartidism into bipartidism. At the same time, Russian multipartidism by transforming from the utmost pluralism to moderate (G. Sartori) gradually acquires those traits that are considered to be benefits of bipartidism. Refs 20.

Keywords: multipartidism, bipartidism, party system, or partium, the advantages and disadvantages of multi- and two parties systems, formation of party systems, factors of formation of parties and party systems, polarization of partia, bipartidism and bipolarism.

1. Формулирование проблемы

Сравнение основных типов партийных систем (партиом) имеет большое значение не только для теории партий, но и для практической политики. Существует мнение, что двухпартийные системы обеспечивают большую стабильность и управляемость не только политической системе, но и обществу в целом. После Второй мировой войны в некоторых странах Западной Европы правящие круги пытались искусственно трансформировать мультипартизм в бипартизм путем замены пропорциональной избирательной системы на систему мажоритарного голосования в один тур. Нечто похожее происходило в середине 1990-х годов в России, когда президент Ельцин пытался усилиями «сверху» искусственно трансформировать многопартийную систему России в двухпартийную. В избирательной кампании 1995 г. он назначил «ответственными» за формирование левоцентристской коалиции И. Рыбкина, а правоцентристской — В. Черномырдина. Однако субъективные усилия достаточно влиятельных людей и созданных ими команд не изменили структуру партийной системы России: после думских выборов 1995 г. и до сих пор она продолжает оставаться типично мультипартийной [1, с. 379].

Другой точки зрения придерживается американский теоретик Леон Эпстейн. Поскольку бипартизм не может представлять все многообразие идеологических и политических позиций, то в двухпартийных системах постоянно возникают так называемые «третьи» партии, а ведущие партии разделяются на фракции. Такая фрагментация бипартийных систем сближает их с многопартийными, которые, в свою очередь, за счет коалиционной политики поляризуются до двух-трех полюсов. В результате стираются различия бипартизма и мультипартизма [2, с. 3–17].

К концу XX в. стало доминировать мнение, что многопартийные системы при определенных условиях (парламентский барьер, смешанная система выборов, сильная президентская власть) могут давать неплохие образцы стабильного правления, при лучшем, чем в бипартизме, представительстве и участии граждан.

В 2015 г. российский политолог К. В. Симонов опубликовал статью, в которой доказывал, что поскольку бипартизм способен «лучше обеспечить сохранение

и устойчивость имеющихся институтов и при этом добиться повышения уровня политической конкуренции, то... одним из возможных путей решения этой задачи может стать формирование двухпартийной модели...» в России [3, с. 68–77].

Чтобы разобраться в проблеме соотношения бипартизма и мультипартизма в современных странах вообще и в России в частности, по нашему мнению, следует ответить на три вопроса: во-первых, в чем заключаются преимущества и недостатки бипартизма и мультипартизма; во-вторых, как формируются бипартийные и мультипартийные системы; в третьих, возможно ли и нужно ли трансформировать сформировавшуюся российскую мультипартийную систему в бипартийную.

2. Какие преимущества и недостатки имеют бипартизм и мультипартизм?

Как и любые социально-политические образования, би- и мультипартийные системы имеют свои преимущества и недостатки, которые уже достаточно хорошо изучены. Поэтому воспроизведем здесь только краткие выводы проведенных исследований.

Преимущества двухпартийной системы над многопартийной, по мнению Джадсона Джеймса, состоят:

- в обеспечении устойчивого правительства;
- в возможности объединения представителей одной политической ориентации в парламенте;
- в ограничении претензий на неоправданное расширение «народной воли»;
- в обеспечении постоянного числа партий в органах власти (не более двух) и повышении эффективности работы этих органов [4, с. 52].

К этому списку, по нашему мнению, следует добавить преимущества, отмеченные Г. В. Голосовым и Хансом Даалдером, а именно:

- способность смягчения идеологических конфликтов, так как каждая партия бипартийной системы впитывает идеологические принципы нескольких идеологий, что ведет к идеологической конвергенции всей системы;
- приближение всей политической системы к идеалу ответственного правления, когда все партийно-правительственные программы выполняются в интересах избирателей [5, с. 115–116];
- стабильность центра бипартийной системы, в котором сосредоточена практически вся партийная деятельность [6, с. 92–109].

Обобщая все преимущества бипартизма, можно сделать вывод о том, что двухпартийная система, в отличие от многопартийной, обеспечивает лучшую управляемость и вообще более высокую эффективность работы не только партийной, но и всей политической системы.

Недостатками двухпартийной системы по сравнению с многопартийной выступают:

- необеспечение представительства всех слоев и социальных групп населения, что снижает активность избирателей;
- схожесть партийных платформ, что ведет к снижению конкурентности партий, интереса избирателей к выборам и участия в политике вообще;
- постоянное генерирование «третьих» партий — носительниц недостающих идеологий, что ведет к нестабильности партийной системы [7, с. 295–296].

Главное преимущество, к которому в принципе можно свести большинство из отмеченных выше, — это большая эффективность работы бипартийной системы. Эффективность бипартизма в управлении обществом, когда на всех основных государственных постах находятся представители только одной партии, т.е. единомышленники, реализующие единую программу, во многом перекрывает его недостатки и объясняет не только его привлекательность (например, для молодых, становящихся демократий), но и его жизнеспособность.

Но многопартийная система тоже имеет определенные преимущества перед двухпартийной, которые состоят в:

- обеспечении каждой «доле» народа минимума свободы [8, с. 263], т.е. предоставление возможности каждой социальной группе проголосовать за «свою», идеологически близкую партию;
- придании большей сбалансированности системе за счет наличия не только центристских партий, но и фланговых политических сил;
- отражении в самой структуре партии, в разнообразии политических партий исторического пути, национального характера, этнического и религиозного разнообразия общества [7, с. 296].

Эти преимущества объясняют, почему страны мира с мультипартийными системами не торопятся вводить у себя бипартизм, почему многопартийность, впрочем, как и двухпартийность, обладает жизнеспособностью и привлекательностью.

Главное преимущество многопартийности перед двухпартийностью состоит в большей социальной справедливости и политической удовлетворенности граждан, ведущей к увеличению политического участия в условиях мультипартизма.

Учитывая, что бипартизм имеет более весомые преимущества по сравнению с мультипартизмом (по крайней мере, с точки зрения правящих элит и в условиях низкой стабильности политических систем), а также имея в виду, что политической борьбе вообще более свойствен дуализм, когда среди прочих на первый план выдвигаются две главные партии (арманьяки и бургиньоны, гвельфы и гибеллины, католики и протестанты, жирондисты и якобинцы, консерваторы и либералы, буржуа и социалисты, западники и коммунисты), Морис Дюверже в 1951 г. предсказал естественную эволюцию всех партий к дуализму [8, с. 277]. Однако дальнейшее развитие партийных систем не подтвердило этот вывод. И сегодня большинство партийных систем продолжают оставаться многопартийными.

Арендт Лейпхарт связывает различие двух- и многопартийных систем с реализацией разных типов *систем политических*: мажоритарной и консенсуальной демократией. Он полагает, что мажоритарная демократия, партийную систему которой составляет бипартизм, обеспечивает формирование сильного и влиятельного правительства и вытекающего отсюда эффективного правления, а консенсуальная демократия (в основе которой заложена многопартийная система) предоставляет возможность нахождения политической стабильности и справедливости через дискурс многих политических сил [9, с. 54].

Итак, если главным критерием считать эффективность и успешность правительства (например, в проведении реформ), то бипартизм, который дает возможность создать сильное однопартийное правительство, опирающееся на прочное большинство, представляется предпочтительнее мультипартизма, при котором часто формируются коалиционные правительства, программа деятельности которых

должна учитывать все разнообразие подходов, часто противоречащих друг другу, разных политических сил, что ведет к частым политическим кризисам.

Но если главным критерием считать социальную справедливость и удовлетворенность граждан, которые существенно укрепляют политическую и социальную стабильность, то преимущество получает мультипартизм, который дает возможность каждому избирателю найти «свою» партию, удовлетворить свои политические притязания, учитывать интересы самых разнообразных социальных групп, имеющих свое представительство в парламенте, развивать социальную сферу и т. д.

Проанализировав и сравнив преимущества и недостатки мульти- и бипартизма, мы приходим к выводу о том, что однозначного ответа на вопрос: «Какая партийная система эффективнее, устойчивее, справедливее, более приемлема для избирателей и т. д.?» не существует, и отвечать на него следует, учитывая особенности данного общества, его исторический путь, политические традиции, актуальные проблемы, стоящие перед ним, пути формирования партий, их роль и место в политической системе и, что немаловажно, существующий тип партийной системы.

3. Взгляды основоположников партологии на процессы формирования би- и мультипартийных систем

Процесс формирования партийных систем не во всем аналогичен процессу генезиса отдельных партий. Если основными движущими силами зарождения и становления партий являются идеалы и интересы отдельных социальных групп, то возникновение и формирование партийной системы зависит в первую очередь от социальной дифференциации всего общества, противоречий общественного сознания, проблем, стоящих перед всем социумом, общей расстановки политических сил. Разумеется, факторы, определяющие генезис отдельных партий, оказывают влияние также и на формирование партийной системы в целом. Но партиома потому и называется партийной системой, что имеет не сводимые к свойствам партий собственные системные свойства, создаваемые как внешними, так и внутренними системными влияниями.

Для нашего исследования это означает, что, несмотря на некоторые аналогии процессов формирования партий в разных странах, вовсе не обязательно, что в этих странах сформируются одинаковые в количественном смысле партийные системы.

Алексис де Токвиль, наблюдавший становление двухпартийной системы в США в 1830-х годах, связал формирование бипартизма с двумя позициями, двумя точками зрения на власть народа, которые сформировались сразу же после окончания Войны за независимость. «Эти точки зрения такие же древние, как сам мир, их можно обнаружить в разных формах и под разными наименованиями в любом свободном обществе. Одна часть нации хотела ограничить власть народа, другая — беспредельно расширить ее» [10, с. 145]. Таким образом, формирование двухпартийной системы, по Токвилю, имеет объективное основание или, если угодно, конфликт, который проявляется в противостоянии двух точек зрения общественного сознания, двух партий общества на главную проблему: расширять или ограничивать власть народа. И неограниченная власть большинства, и неограниченная власть аристократии ведут либо к анархии, либо к тирании. Поэтому двухпартийное правление в Америке, по Токвилю, призвано постоянно решать главную

проблему демократического общества: поддерживать баланс власти элиты и народа с целью избежать скатывания демократии к анархии или тирании.

Английский политолог Джеймс Брайс, также непосредственно наблюдавший формирование партийной системы США, выводил американский *бипартизм* из путей решения основных проблем, стоящих перед обществом. Брайс отметил, что в ходе прений о проекте конституции на конституционном конвенте в Филадельфии в 1787 г. обнаружили две тенденции: центробежная и центростремительная. Первая выражалась в желании сохранить индивидуальную свободу граждан, независимость законодательства и вообще свободу каждого штата во всем, за исключением того, что касалось иностранной политики и национальной обороны; вторая, напротив, выражалась в стремлении подчинить штаты нации и предоставить центральной союзной власти широкие права. Эти тенденции или факторы и сформировали американский бипартизм.

Многopатийные европейские системы, считал Брайс, формировались под действием сразу *многих факторов*, раскалывавших общественное сознание и сам социум на несколько социальных групп, объективно служивших основой для формирования партий. Одновременное воздействие этих многих факторов и вело к формированию *многopатийных систем*. В странах континентальной Европы, по Брайсу, действовали следующие факторы:

- вражда богатых и бедных (капиталистов и рабочих);
- противостояние по вопросам землевладения;
- религиозная борьба;
- вражда между национальностями;
- споры о преимуществах монархического и республиканского правления;
- противостояние по вопросу расширения деятельности государства или увеличения свободы торговли.

Действие этих факторов и генерировало *многopатийность* в Европе [11, с. 270–271].

В России, так же как и в континентальной Европе в начале XX в., когда формировались партии и партийная система, существовали противостояния именно по многим нерешенным проблемам, главными из которых были:

- крестьянский вопрос;
- рабочий вопрос;
- национальный вопрос;
- политическая реформа
- социальное неравенство.

Другие проблемы стояли менее остро, но также требовали разрешения и увеличивали «поле расхождения» между разными социальными группами. К таким проблемам можно отнести:

- проблему отношений государства и церкви;
- проблему взаимоотношений религий при господствующей роли православия;
- проблему вмешательства государства в экономику и торговлю и др.

Действие этих проблем на российское общество и государство объективно служило формированию будущей *многopатийности*.

Позицию, близкую к брайсовой, занимал американский теоретик Эббот Лоуэлл, который *связал бипартизм с парламентской системой правления*. Он полагал, что «разделение на две партии есть не только нормальный результат парламентской системы, но также главное условие ее успеха», что третья партия (третьи партии) будет служить помехой нормальному функционированию парламентского правления, которое должно быть устроено таким образом, чтобы поддерживать двухпартийный режим и всячески препятствовать установлению многопартийного правления. «Разделение Палаты на две партии и только на две партии необходимо для того, чтобы парламентарная система управления постоянно давала хорошие результаты» [12, с. 49–50].

Факторы формирования многопартийных систем, по Лоуэллу, можно свести к следующим:

- отсутствие консенсуса в обществе по поводу образования власти;
- наличие в обществе непримиримых по отношению к правительству социальных групп, имеющих революционные цели, которые не могут быть допущены к управлению страной;
- формирование в прошлом власти деспотическими методами, привычка видеть в правительстве угнетателей, деспотов, врагов;
- имевшиеся в истории страны революционные смены форм правления, оставившие в обществе своих сторонников;
- отсутствие склонности гражданского общества к организации в политические партии и наличие в нем «пылких разрозненных» групп;
- мажоритарная избирательная система в один тур;
- практика парламентских интерпелляций оппозиционных партий к правительству [12, с. 67–68].

4. Современные взгляды на формирование разных типов партийных систем

После Второй мировой войны проблему формирования партийных систем исследовал Морис Дюверже. К тому времени сама постановка вопроса «Почему в разных обществах формируются различные партийные системы и каковы факторы их формирования?» усложнилась, ибо мир стал свидетелем появления и быстрого распространения однопартийных систем (коммунистических, фашистских, популистских, диктаторских). Несмотря на крах фашистских режимов после 1945 г., однопартийные системы получили распространение в некоторых социалистических странах (Албания, Болгария, Венгрия, Румыния, Югославия, Монголия, затем — Северная Корея, Северный Вьетнам, Куба), в странах, ступивших на некапиталистический путь развития (Египет времен Г.Насера, Алжир, Гвинея, Конго, Эфиопия, Ливия, затем — Мозамбик, Зимбабве), в странах с одиозными диктаторскими режимами (Центрально-Африканская Республика (затем — империя), Заир, Малави, Бразилия (времен правления военной хунты)). В то же время в других социалистических (Польша, Чехословакия, ГДР, Китай) и некапиталистических странах (Ангола, Ирак, Сирия, Намибия) продолжали действовать, правда, порой формально, под прямым руководством правящей партии, многопартийные системы.

По мнению Дюверже, для лучшего понимания факторов, формирующих одно-, двух- или многопартийные системы, следует различать *общие и особенные* причины этого процесса.

К *особенным факторам* формирования партиом он отнес причины, действующие только в данной стране и данном обществе, в частности:

- личное соперничество между национальными лидерами, хрестоматийным примером которого является противостояние Т. Джефферсона и А. Гамильтона в американском конгрессе в период образования партий республиканцев и федералистов;
- политическая ситуация, сложившаяся в стране. Здесь характерным примером может служить появление Радикальной партии в период Третьей республики во Франции. Лидер радикалов Жорж Клемансо в начале 1880-х годов сознательно пошел на раскол правящей Республиканской партии, проводившей оппортунистическую политику затягивания до «подходящего» времени (*фр. opportun* — подходящий) обещанных реформ и получившей название «правой», и на формирование левореспубликанской партии или просто «левой», обещавшей установить прогрессивный налог на капитал, ликвидировать постоянную армию, сократить рабочий день, легализовать профсоюзы [13, с. 90–91];
- интересы определенных социальных групп, действием которых Дюверже объясняет образование и жизнестойкость *аграрных партий* в Скандинавии. Эти партии, зародившиеся в середине XIX в., опирались на демократические сельские общины, которые вели борьбу против консервативной знати городов, в то время как в других европейских странах торговая, промышленная и интеллектуальная буржуазия породила либеральные партии, также выступавшие против партий консервативных, опиравшихся на дворянство, крестьянство и церковь [8, с. 264];
- решение стоящих перед обществом проблем, например проблемы выбора светской или церковной школы, а если смотреть шире — проблемы взаимоотношений государства и церкви;
- этнические проблемы, которые вызывали к жизни партии, отражавшие различия этносов, проживавших в данной стране. Особенно важную роль этот фактор играл в полиэтнических странах, таких как Австро-Венгрия, Великобритания, Россия.

Общие факторы, формировавшие партийные системы разных стран Европы и Америки, Дюверже свел к *избирательному режиму*, подтвердив, что мажоритарная система голосования в один тур ведет к двухпартийности, а мажоритарное голосование в два тура и пропорциональная система выборов формируют многопартийные системы [8, с. 264–265].

Дальнейшие исследования, в том числе создание теории политической системы, теории политической культуры, теории политических конфликтов, показали, что формирование и функционирование партиом существенно зависит от *структуры политической системы, типа политической культуры общества, разломов общественного сознания*, вызванных спецификой действия различных конфликтов.

В 1960-е годы Сеймур Липсет и Стен Роккан, исследуя процессы формирования национальных государств и перехода к индустриальной эпохе, выделили

четыре основных конфликта, точнее раскола (cleavage), оказавших наибольшее влияние на становление определенных типов партий и партийных систем европейских стран, а именно:

- 1) конфликт между центром и периферией;
- 2) конфликт между государством и церковью;
- 3) конфликт между городом и селом;
- 4) конфликт между собственниками и рабочими.

При этом возникновение конфликтов «центр против периферии» и «государство против церкви» они связали с национальными революциями, появление конфликтов «город против села» и «собственники против рабочих» — с индустриальной революцией [14, с. 14–23].

Конфликт между центром и периферией формировал и до сих пор генерирует партии, отстаивающие региональные интересы в противовес интересам центрального правительства. В современной России, чтобы нивелировать действие этого конфликта, законом о партиях запрещено участие региональных партий в федеральных выборах.

Конфликт между государством и церковью в протестантских странах разрешался путем отделения церкви от государства, поэтому там не возникли влиятельные религиозные партии. В католических странах и странах со смешанным католическим и протестантским населением (Нидерланды, Бельгия, Германия, Чехия), где церковь долго еще сохраняла свои позиции, сформировались религиозные партии, продолжающие и сегодня играть важную роль. В других странах на базе этого конфликта сложились партии, выступавшие с антирелигиозных позиций: Радикальная партия во Франции, коммунистические партии.

В императорской России конфликт между государством и церковью действовал своеобразно ввиду разных доктрин взаимоотношений власти и религии в православной и католической традиции. Католическая церковь опиралась на доктрину «двух мечей», означающую, что оба меча как символы власти принадлежат церкви, которая один меч хранит в ножнах, а другой передает светскому правителю, который поэтому обязан всячески возвеличивать церковь, подчиняться ей, бороться с раскольниками и сектантами. Православная церковь выдвинула доктрину «симфонии властей», в соответствии с которой светская и церковная власти всегда действуют совместно, поддерживая, сохраняя высокий социальный статус и авторитет друг друга, укрепляя власть царя и патриарха, смыкаясь в общих усилиях на укреплении самодержавия. Поэтому возникшие после провозглашения Манифеста 1905 г. правые партии императорской России (Союз русского народа, Союз им. Михаила Архангела) не столько критиковали правящий режим и предлагали альтернативные пути развития, сколько выражали поддержку царю и предлагали отказаться от обещаний Манифеста и вернуться к «истинному», ничем не ограниченному самодержавию.

В современной России церковь отделена от государства, и действие этого конфликта проявляется в попытках формирования религиозных партий православного и мусульманского толка, которые, впрочем, не играют существенной роли в партийной системе.

Конфликт между городом и селом явился первым противоречием промышленной революции, увеличившей различия между деревенским и индустриаль-

ным трудом и образом жизни. В России, в условиях первых выборов 1906 г., он стал основой для формирования в Думе депутатской группы трудовиков, которая пользовалась поддержкой партии эсэров. В современной России этот конфликт вызвал к жизни Крестьянскую партию, которая в 1990–2000-х годах входила в блок с КПРФ.

Конфликт между собственниками и рабочими стал одним из результатов промышленной революции и выдвинулся на первое место в эпоху индустриализма. В России он стал основой для генерации социалистических, социал-демократических и коммунистических партий.

Все эти конфликты действовали комплексно, образуя в каждой стране определенное своеобразие. Все европейские партии, включая российские, формировались под действием сложного переплетения этих факторов-конфликтов.

Но конфликты и вызванные ими разломы еще не генерировали непосредственно определенный *тип партии*. Чтобы понять, как они становятся факторами формирования партийных систем, отмечают Липсет и Роккан, необходимо проанализировать выражения протеста и представления интересов в каждом обществе. А для этого следует:

- во-первых, знать традиции принятия решений в данном государстве: преобладают ли процедуры примирения или деспотические устремления центрального правительства;
- во-вторых, иметь представление о каналах представительства. Выражался ли конфликт через забастовки и демонстрации, или через систему выборов, или через открытое насилие;
- в-третьих, знать о том, насколько трудно или легко новым движениям добиться представительства;
- в-четвертых, иметь представление о возможностях и ограничениях правления большинства, о том, какие партии его осуществляют.

Таким образом, конфликты, понимаемые как расколы общественного сознания и как различия интересов разных социальных групп, становятся не только движущими силами формирования партий, но и факторами образования определенного типа партийных систем [14, с. 25–26].

В конце XX — начале XXI в. в связи с социально-политическими трансформациями, вызванными структурным кризисом индустриализма и переходом развитых стран к постиндустриальному и информационному обществу, в них наблюдается существенное изменение социальной структуры и социально-политической мобильности, политических взаимоотношений между основными социальными и конфессиональными группами, между городскими и сельскими жителями, между столицей и регионами. Все это не могло не сказаться на действии основных размежеваний, указанных в теории Липсета—Роккана. Как отмечает Рассел Далтон, «большинство партий и политических систем все еще ориентировано преимущественно на традиционные связи, описанные Липсетом—Рокканом», которые «рассматривали классовое размежевание как первостепенный фактор в структурировании “старой политики”... “Старые левые”... идентифицировали себя с рабочим классом и профсоюзами, светскими группами и интересами городских жителей. “Старые правые” представляли структуры бизнеса и среднего класса... Политические конфликты в промышленно развитых странах имеют и новое измерение,

основанное на постматериальном размежевании. Это измерение «новой политики» касается конфликтов по новым проблемам, таким как качество окружающей среды, альтернативные жизненные стили, права меньшинств, участие, социальное равенство и др. ...» [15, с. 81–82].

Акцентируем эти новые конфликты, которые формирует «новая политика», политика постиндустриального и информационного общества.

По нашему мнению, во-первых, это конфликт по поводу ухудшающейся экологии, точнее, конфликт между сторонниками ускоренного экономического развития и сторонниками «нулевого роста» и защиты окружающей среды. Этот конфликт вызвал к жизни партии зеленых, политический вес которых тем больше, чем быстрее разрушается окружающая среда в данной стране. В политической жизни России значение зеленых пока невелико.

Во-вторых, это конфликт по поводу расширения и углубления демократии, т. е. противостояние между сторонниками и противниками демократии в каждой стране и мире в целом. Этот конфликт формирует многочисленные демократические партии. В перестроечной России было несколько демократических партий, которые после принятия демократической Конституции в 1993 г. постепенно ушли из политической жизни (например, Демократическая партия Россия (ДПР), «Демократический выбор России» (ДВР), «Наш дом — Россия» (НДР)), а проблемы демократизации общества и формирования демократических институтов постоянно держит в поле зрения правящая партия — «Единая Россия».

В-третьих, это конфликт по поводу интеграции и глобализации. Этот конфликт породил в Европе и США антиглобалистское движение. В Европе, кроме того, на базе протестов против ускоренной евроинтеграции и миграции из стран Африки и Ближнего Востока набирают силу правые, националистические партии, группировки евроскептиков и правых популистов. В России этот конфликт укрепляет позиции радикальных партий: левой КПРФ, выступающей против глобализации по западному образцу, и правой ЛДПР. Кроме того, в России также появилось антиглобалистское движение и активизировались праворадикальные группировки.

В четвертых, это конфликт между материалистическими и постматериалистическими ценностями, между нормами жизни индустриального и постиндустриального, информационного общества. Глубину и широту этому конфликту добавляет противостояние между теми гражданами, кто уже живет в информационном обществе, и теми, кто не желает или не может туда пройти. Это, наконец, противоречие между индустриальными, переходными и постиндустриальными странами. Чаще всего этот конфликт проявляет себя как противостояние между молодым и уходящим поколением политиков, вообще между молодежью и людьми среднего возраста, которые занимают наилучшие статусные позиции и не дают возможности молодым людям проявить себя в политике и других сферах жизни. Этот конфликт генерирует молодежные движения, молодежные организации ведущих политических партий, в которых молодежь получает возможности проявить себя и почувствовать свою социальную значимость.

Кроме общих «старых» и «новых» размежеваний в каждой стране есть свои, особенные расколы, вызванные своими, особенными проблемами, которые активно генерируют определенные политические партии и переформируют свои, национальные партийные системы.

В России, кроме общеевропейских, также действуют свои собственные расколы, суть которых, по мнению К. Г. Холодковского, заключается в следующих противостояниях:

- модернизация — традиционализм. При этом под традиционализмом можно понимать стремление или в советское, или в царское прошлое. Стремление в советское прошлое генерирует коммунистические и советско-патриотические партии, стремление к возрождению царской России — монархические и православно-фундаменталистские организации;
- западничество — почвенничество (самобытность). Западнические тенденции выражаются в создании либеральных, либерал-демократических, демократических, социал-демократических и т. п. партий. Самобытность генерирует славянофильские, традиционно-патриотические, панславянские, евразийские течения;
- демократия — авторитаризм. Это противоречие характерно для всех стран Европы (см. выше);
- социальность — элитарность. Этот разлом массового сознания еще можно представить как «технократизм — социальная справедливость». Массовое сознание не приемлет верхушечных реформ и требует социального равенства и справедливости в интересах широких слоев. В то же время в России сильны иждивенческие настроения, когда те же широкие слои требуют государственной поддержки в решении своих проблем [16, с. 16–31].

Мы исходим из теории Тоффлера о трех эрах, или волнах, перемен человеческой истории: сельскохозяйственной, индустриальной, постиндустриальной [17, с. 31]. В соответствии с этой теорией современная Россия находится на переходе от индустриальной к постиндустриальной эре. Переходное положение российского общества как раз и определяет действие всех «индустриальных» и всех собственно российских или национальных конфликтов и неполное проявление постиндустриальных расколов. «Новая», или постиндустриальная, политика и соответствующие ей «новые» партии еще не сказали в России решающего слова, так как у нас еще недостаточно остро стоят «новые», постиндустриальные проблемы. Вот почему в России не получили развития экологическое, антиглобалистское, феминистское движения, движение за права меньшинств, движение за новые стили жизни и т. д.

Итак, главной закономерностью формирования партийных систем, по мнению всех рассмотренных нами авторов и по нашему глубокому убеждению, стало *действие объективных факторов*, вызванных действием расколов, разломов, размежеваний общественного сознания, различий интересов разных социальных, региональных, конфессиональных и других групп.

Субъективные усилия людей создавали при этом конкретные партии, которые могли выживать, если попадали на стрежень потока общественного сознания и социально-групповых потребностей, если соответствовали разрешению той или иной значимой социальной проблемы, или естественным образом отмирать, если не соответствовали запросам времени.

Вообще партии и партийные системы, и с этим согласно большинство партологов, следует понимать не как независимые переменные, самостоятельно действующие в политике и определяющие социально-политические процессы, а как зависимые переменные, как не вполне самодостаточные образования, как части

политического организма, являющиеся функцией социально-экономических и политических процессов, идущих в мире и данной стране. Под действием всех рассмотренных нами факторов партии и партийная система определенной страны формируются десятилетиями и даже столетиями и не могут быть изменены в один прием действиями власти или при помощи пусть даже самых современных полит-технологий.

Отсюда следует, что если российская партия уже сложилась под действием указанных факторов в 1900-х и воспроизвелась в 1990-х годах как многопартийная, то она и в дальнейшем будет оставаться таковой и *субъективные усилия* по ее трансформации в бипартийную не имеют под собой реальной почвы.

5. Двухполюсность может стать достойной заменой двухпартийности

Если российская партия зародилась и воссоздалась как типично многопартийная, то это не означает, что мы не можем рассчитывать в дальнейшем на совершенствование ее характеристик, в том числе таких важных для российского общества, как эффективность политических институтов, представленность партий и консолидация общества.

Для этого обратимся к теории поляризации партийных систем Джованни Сартори, который утверждает, что естественное сближение идеологически родственных политических партий образует в партии своеобразные группы — полюса. Излишняя поляризация партийной системы негативно сказывается на ее функционировании уже при образовании трех и более полюсов. Такую партию Сартори назвал *системой крайнего плюрализма* и отметил восемь ее признаков, а именно:

- наличие антисистемных партий, имеющих идеологию, резко отличающуюся от идеологии остальных партий, выступающих против существующего строя, не разделяющих ценностей этого строя, стремящихся к изменению конституции и образующих антисистемную оппозицию;
- существование двухсторонней оппозиции, т. е. оппозиционных партий, находящихся в политическом поле слева и справа от правительства. Они пребывают в состоянии перманентного конфликта между собой и часто взаимно исключают друг друга;
- центральное положение одной или нескольких ведущих партий;
- поляризация партийной системы, при которой образуются три-четыре полюса из более или менее идеологически близких партий;
- преобладание центробежных течений над центростремительными и, как следствие, ослабление центра партийной системы;
- идеологический образ действия партий и идеологизация всей партии;
- наличие безответственной оппозиции, раздающей нереалистические обещания, которые никогда не придется выполнять;
- безответственная оппозиция вызывает стремление всех партий превзойти друг друга в раздате невыполнимых обещаний. Эта политика сверхобещаний, характерная для партии крайнего плюрализма, весьма отличается от конкурентной политики, свойственной системе умеренного плюрализма, при которой партии стремятся к выполнению всех обещаний [18, с. 132–139].

Под *системой ограниченного или умеренного плюрализма* Сартори понимал многопартийные системы с количеством партий в три-пять и со сравнительно небольшими идеологическими различиями между ними, системы, образующие не более двух полюсов. Важными признаками партиомы умеренного плюрализма являются:

- отсутствие антисистемных партий;
- отсутствие двухсторонней оппозиции;
- ориентированность всех партий на участие в правительстве;
- возможность создания коалиционных кабинетов из представителей любых парламентских партий;
- небольшие идеологические различия между партиями;
- двухполюсная конфигурация партийной системы;
- центростремительная, а не центробежная тенденция в функционировании системы;
- конкурентная политика вместо политики сверхобещаний [18, с. 179].

Современная российская партийная система со времени своего формирования в начале 1990-х годов, по нашему мнению, развивается по пути от крайнего плюрализма к умеренному. За это время в основном преодолены ее нестабильность, фрагментация, радикализм отдельных партий [19, с. 273–276; 20, с. 283–304].

Если в результате первых выборов на партийной основе в 1993 г. и последующих выборов 1990-х — начала 2000-х годов российская партиома, если применить к ней критерии Сартори, безусловно была системой крайнего плюрализма, то с конца 2000-х годов она постепенно приобретает черты умеренного плюрализма.

Завершением эволюции российской партиомы, при благоприятном течении социально-экономических и политических процессов, станет сокращение числа полюсов до двух: левоцентристского и правоцентристского.

Двухполюсная партийная система России будет функционировать подобно бипартийной партиоме и совмещать в себе такие важные качества би- и мультипартизма, как достаточная стабильность и эффективность управления обществом, с одной стороны, и приемлемость политической системы гражданами с точки зрения нахождения своей партии каждой значимой социальной группой, ощущение справедливой представленности во власти всех ведущих политических сил — с другой.

Литература

1. Конфликты в условиях трансформации современного российского общества: Курс лекций / под ред. А. В. Алейникова, А. И. Стребкова. СПб.: БХВ-Петербург, 2015. 496 с.
2. Epstein L. D. Political parties in Western Democracies. New Brunswick (USA); London: Transaction-Publishers, 1979. 405 p.
3. Симонов К. В. Нужна ли России двухпартийность? // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 68–77.
4. James J. L. American Political Parties in Transition. New York Harper & Row Publishers, 1972. 402 p.
5. Голосов Г. В. Сравнительная политология. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 206 с.
6. Daalder H. In search of the center of European party systems // American political science review. 1984. Vol. 76, N 1. P. 92–109.
7. Исаев Б. А. Теория партий и партийных систем: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016. 370 с.
8. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2000. 558 с.

9. Lijphart A. *Democracies: Patterns of majoritarian and consensus government in thirty-six countries*. New Haven; London: Yale University Press, 1999. 368 p.
10. Токвиль А. де. *Демократия в Америке*. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
11. Брайс Д. *Американская республика*: в 3 т. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1898. Т. 2, ч. III. 474 с.
12. Лоуэлл Э. *Правительства и политические партии в государствах Западной Европы*. М.: Изд. С. Скимунта, 1905. 644 с.
13. Установление Третьей республики во Франции // *Всемирная история*: в 10 т. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Т. 7. С. 85–101.
14. Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction // *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives* / Eds S. M. Lipset, S. Rokkan. New York: Free Press, 1967. P. 1–64.
15. Далтон Р. Структура политических связей // *Партии и выборы: Хрестоматия*: в 2 ч. / отв. ред. и сост. Н. В. Анохина, Е. Ю. Мелешкина. М.: ИНИОН, 2004. Ч. 1. С. 235–243.
16. Холодовский К. Г. Идеино-политическая дифференциация общественного сознания // *Политические исследования*. 1998. № 3. С. 16–31.
17. Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: АСТ, 1999. 784 с.
18. Sartori G. *Parties and Party system: A framework for analysis*. Cambridge University Press, 1976. 356 p.
19. *Введение в политическую теорию: учебное пособие* / под ред. Б. Исаева. СПб.: Питер, 2013. 432 с.
20. Исаев Б., Баранов Н. *Современная российская политика: учеб. пособие*. СПб.: Питер, 2012. 448 с.

Для цитирования: Исаев Б. А. Партийная система России: мультипартизм или бипартизм? // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 3. С. 210–225.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.302>

References

1. *Konflikty v usloviakh transformatsii sovremennogo rossiiskogo obshchestva. Kurs lekttsii [Conflicts in the context of the transformation of contemporary Russian society. Lectures]*. Еды А. V. Aleynikov, A. J. Strebkov. St. Petersburg, BHV-Petersburg Publ., 2015. 496 p. (In Russian)
2. Epstein L. D. *Political parties in Western Democracies*. Transaction Publishers. New Brunswick (USA), London (U.K.), 1979. 405 p.
3. Simonov K. V. Nuzhna li Rossii dvukhpartiinost'? [Does Russia need bipartizm?]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2015, no. 2, pp. 68–77. (In Russian)
4. James J. L. *American Political Parties in Transition*. New York, Harper & Row Publishers, 1972. 402 p.
5. Golosov G. V. *Sravnitel'naia politologiya [Comparative political science]*. Novosibirsk, Novosib. University Publ., 1995. 206 p. (In Russian)
6. Daalder H. In search of the center of European party systems. *American political science review*, 1984, vol. 76, no. 1, pp. 92–109.
7. Isaev B. A. *Teoriia partii i partiinykh sistem: uchebnik dlia bakalavriata i magistratury [Theory of parties and party systems]*. Moscow, Iurait Publ., 2016. 370 p. (In Russian)
8. Duverger M. *Politicheskie partii [Political parties]*. Moscow, Academic project Publ., 2000. 558 p. (In Russian)
9. Lijphart A. *Democracies: Patterns of majoritarian and consensus government in thirty-six countries*. New Haven, London, Yale University Press, 1999. 368 p.
10. Tocqueville A. de. *Demokratiia v Amerike [Democracy in America]*. Moscow, Progress, 1992. 554 p. (In Russian)
11. Bryce D. *Amerikanskaia respublika [The American Republic]*, in 3 vols. Moscow, Publishing Mamontov and C°, 1898, vol. 2, issue III. 474 p. (In Russian)
12. Lowell A. *Pravitel'stva i politicheskie partii v gosudarstvakh Zapadnoi Evropy [Governments and political parties in the States of Western Europe]*. Moscow, Publishing C. Skirmuntt, 1905. 644 p. (In Russian)
13. Ustanovlenie Tretei respubliki vo Frantsii [The establishment of the third Republic in France] *Vsemirnnaia istoriia [World history]*. In 10 vols. Vol. 7. Moscow, Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1960, pp. 85–101. (In Russian)
14. Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction. Eds. S. M. Lipset, S. Rokkan. *Party systems and voter alignments: cross-national perspectives*. New York, Free Press, 1967, pp. 1–64.

15. Dalton R. Struktura politicheskikh sviazei [The structure of political ties]. *Partii i vybory* [Parties and elections]. Reader, in 2 vols. Eds and compl. N. V. Anohina, E. Y. Meleshkina. Vol. 1. Moscow, INION Publ., 2004, pp. 235–243. (In Russian)
16. Kholodkovskii K. G. Ideino-politicheskaia differentsiatsiia obshchestvennogo soznaniia [Ideological and political differentiation of social consciousness]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 1998, no. 3, pp. 16–31. (In Russian)
17. Toffler A. *Tret'ia volna* [The third wave]. Moscow, AST Publ., 1999. 784 p. (In Russian)
18. Sartori G. *Parties and Party system: A framework for analysis*. Cambridge University Press, 1976. 356 p.
19. *Vvedenie v politicheskuiu teoriiu: uchebnoe posobie* [Introduction to political theory: textbook]. Ed. by B. Isaev. St. Petersburg, Piter Publ., 2013. 432 p. (In Russian)
20. Isaev B., Baranov N. *Sovremennaia rossiiskaia politika: uchebnoe posobie* [Modern Russian politics: textbook]. St. Petersburg, Piter Publ., 2012. 448 p. (In Russian)

For citation: Isaev B. A. The party system in Russia: multipartidism or bipartidism? *Vestnik SPbSU. Political Science. International Relations*, 2017, vol. 10, issue 3, pp. 210–225.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2017.302>

Статья поступила в редакцию 19 мая 2017 г.
 Статья рекомендована в печать 20 июня 2017 г.